

Е.Л. Капустина

ИСЛАМ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУССИЯХ МАХАЧКАЛЫ

В постсоветский период исламу отводится значительное место в общественной жизни Дагестана, религиозность человека, его принадлежность к тому или иному течению ислама становится одной из актуальнейших и важнейших тем в дискуссиях различных сообществ. Особенно выразительно проявляется эта тенденция в городском пространстве, прежде всего в столице республики — Махачкале.

На селе существование сообщества реального взаимодействия и в некоторой степени реальность джамаатской структуры определяет наличие более определенных и четких религиозных лагерей. В городском же пространстве, очевидно, встречается множество акторов, категоризация которых непроста. Чего стоит только дискуссия вокруг новых направлений в исламе. При этом задается вопрос о том, новые ли они или наследуют тенденции, проявившиеся в Дагестане еще в конце XIX — начале XX в. (Али Каяев, которого называют одним из первых дагестанских вахаббитов, и т.п. — об этом см. [Абдулагатов 2008]).

Разговор об этом здесь будет в значительной мере упрощать картину. В городе существуют сторонники светского образа жизни (среди них умеренные или даже формальные мусульмане, атеисты-агностики и представители других конфессий), есть сторонники тарикатского ислама (их могут называть традиционалистами), приверженцы новых направлений в исламе (их названий гораздо больше, об этом подробнее см.: [Ярлыкапов 2014: 188–190]). По моему мнению, в практиках религиозного характера сложно выделить четкие границы групп и жестко зафиксировать за ними различные вариации религиозного поведения.

В статье речь пойдет о специфике дискуссий вокруг ислама в Махачкале и проявлений религиозности в общественной жизни

ни махачкалинцев, в частности через развитие индустрии исламской торговли. При этом разговор будет вестись не о явлениях, напрямую касающихся отправления самого культа, и не о специфике трактовки догматов веры, не о декларации, а скорее о практиках поведения махачкалинцев, апеллирующих к исламу, а также об особенностях и механизмах потребления товаров и услуг, маркированных в религиозных терминах или использующих исламскую символику и включенных в исламский дискурс столицы Дагестана.

В последние годы особенно заметны процессы, меняющие Махачкалу, городское пространство в целом, в том числе и через развитие исламского дискурса, столкновение разных точек зрения на ислам и его роль в жизни сообщества.

Интересным представляется развитие в Махачкале индустрии исламских товаров и ее презентация в городском пространстве. Избыточным, на мой взгляд, будет утверждение, что в городе за последние десятилетия эта индустрия необычайно развилась: появились магазины, предлагающие религиозную литературу, символику, атрибутику отправления культа — коврики для намаза, четки, тубетейки и т.п. Однако исламскую тематику эксплуатируют и некоторые сферы бизнеса, напрямую не связанные с выше указанными товарами.

В частности, ресторанный и торговый бизнес при формировании ассортимента и разработке рекламных текстов все чаще использует отсылки к сфере религиозного. Большая часть кафе и ресторанов, еще пару лет назад имевших в своем меню алкоголь, теперь его не предлагает. Причина, однако, здесь, по словам горожан, не только в возросшем благочестии владельцев, но и в давлении и даже угрозах в адрес продавцов харама (запретного) со стороны различных сил.

Активно развивается так называемая пищевая халал-индустрия. Некоторые кафе, появившиеся совсем недавно, уже изначально позиционируют себя как территория халал. Слово халал / халяль пишется не только на упаковках мясной продукции, но и на многом другом. В итоге апелляция к исламу, его нормам и предписаниям может быть рассмотрена как механизм продвижения того или иного бренда.

В большом количестве появляются магазины исламской женской одежды. Причем большинство — в последние год-два, в результате возникли целые торговые улицы исламской одежды. Помимо магазинов женской одежды появляются магазины исламской мужской одежды, парикмахерские-халал для мужчин с мастерами-мужчинами, магазины других исламских товаров.

Специфическая мусульманская индустрия — арабская парфюмерия, фармацевтика, косметика. Например, в последний год многие употребляют *сивак* в качестве средства для чистки зубов, а также популярны зубные пасты с сиваком, масло черного тмина — универсальное средство от болезней.

В самых популярных местных газетах печатаются рубрики, в которых рассказывается о различных аспектах жизни правильного мусульманина. Здесь не только тексты о том, как делать намаз и держать пост, но и анализ всех аспектов экономической и социальной жизни — правила открытия бизнеса, правила взаимоотношений в семье и обществе, правила ухода за собой.

Дискуссии вокруг различных течений ислама, религиозности вообще весьма актуальны. Интересно, что особенно острыми в Махачкале бывают споры вокруг мусульманской женской одежды. Это традиционная территория ристалищ сторонников тех или иных точек зрения на городскую и шире дагестанскую культуру. В частности, большой общественный резонанс наблюдается вокруг темы ношения жительницами Дагестана головного платка, *хиджаба* (и шире — *хиджаба* как одежды, скрывающей фигуру женщины за исключением лица и кистей рук), причем именно в столице вся острота этого спора выражена сильнее всего. Мне доводилось слышать истории о принципиальном отказе водителя маршрутки возить девушек в хиджабах, об отказе женщин в салонах красоты стричься у «закрытых» девушек, равно как и о необыкновенной внимательности и благожелательности горожан к ним как к носительницам высокой нравственной культуры.

Сторонники светских правил жизни в городе подчеркивают чуждость хиджаба для дагестанской культуры и предлагают ревнительницам женского исламского благочестия носить тра-

диционные головные уборы горянок, такие, например, как *чохта* и платки [Тахнаева 2011]. Сторонники хиджаба борются за него, упирая на права человека и свободу совести — особенно актуален вопрос о хиджабах в учебных заведениях.

В последние пару лет обществу был продемонстрирован еще более специфический вариант — *никаб*, накидка, которая оставляет лишь прорезь для глаз, а также черные перчатки.

На фоне разговоров о соответствии предлагаемых вариантов «исламской» женской одежды «народному» дагестанскому костюму поднимается вопрос о месте традиционной дагестанской культуры в современной жизни республики.

Дагестан отличается от соседних республик Северного Кавказа и Грузии, где в общественной жизни появляются национальные костюмы — в свадебной и праздничной моде, как официальные костюмы чиновников и т.п. В Дагестане проект национального костюма не получил поддержки, даже инициатива Абдулатипова переодеть чиновников в черкески была воспринята отчужденно и даже с раздражением, как клоунада. При этом исламская мода, т.е. в первую очередь арабская — рубашка-*галабия*, платья, даже чалма — все чаще видны на улицах. Пока галабии воспринимаются как маркер салафитов, но еще некоторое время назад и хиджаб воспринимался так же, а сейчас хиджаб — привычный вариант для облачения женщин, придерживающихся различных направлений ислама.

Более того, количество женщин и девушек, которые носят не хиджабы, но платки — в виде тюрбанов, закрывающих все волосы, но оставляющих открытыми шею и мочки ушей, а также платков треугольниками, шарфов, накинутых на голову и т.п., стало гораздо больше. Еще 10–15 лет назад женщины в платках, которых можно было встретить в городе, чаще всего были или женщины в возрасте, или приехавшие в город, или недавно переехавшие вчерашние сельчанки. Часто сельские жительницы, приезжая в город, снимали платки, а возвращаясь в село, надевали их опять. Сейчас платки, тюрбаны и хиджабы носят именно махачкалинки. Основные потребительницы хиджабов — молодежь, ученицы старших классов и студентки, т.е. девушки на выданье.

Интерес представляет вопрос о взаимодействии в городской культуре исламских символов и символики т.н. гламура, а через это — о самой моде на религиозность. То, что хиджаб в Дагестане — не только отражение религиозных убеждений, но и мода, очевидно.

Дискуссия вокруг праздников. В принципе, под удар попадают все не связанные с исламом праздники — все, кроме Ураза-байрам, Курбан-байрам и, может быть, рождения Пророка. Пожалуй, наиболее яркая полемика разгорелась вокруг Нового года.

Развернувшаяся кампания против празднования Нового года достигла своего апогея пару лет назад. В самом конце декабря в Сети активно стали распространяться ролики, в которых различные жители Махачкалы — среди них как религиозные деятели (сторонники тариката и условная группа салафитов), так и напрямую не связанные с отправлением культа люди — юристы, общественные деятели, спортсмены и т.п. Примечательно, что среди обличителей Нового года выступили и известные в республике бывшие звезды КВН, а ныне известнейшие шоумены и лидеры развлекательной индустрии последних лет. В основном это относительно молодые люди.

Реакция сторонников доминирования в городской среде светского образа жизни была достаточно резкой и осуждающей.

В 2014 г. градус накала общественной дискуссии снизился, но сама тема не была исчерпана и периодически всплывает. Порой противники светских праздников и их оппоненты — часто члены одной семьи, и дискуссии об этой проблеме актуализируются с приближением очередного красного дня календаря. Например, если отец не признает Нового года и празднования дня рождения и не устраивает праздника детям по этим поводам (разумеется, и не дарит подарков), то таковые праздники могут быть проведены другими членами его семьи — дядями и тетями этих детей, которые иногда демонстративно преподносят подарки своим племянникам.

Алексей Малашенко, рассуждая об исламских модернистах в городе и консерваторах в сельской местности и отмечая, что

это вполне логично — модернизм в городской среде, говорит, что, когда речь заходит об исламе, те же «модернисты» зачастую занимают охранительные позиции, т.е. «урбанистический склад поведения люди пытаются компенсировать аффективной приверженностью к исламу» [Малашенко 2007: 39].

В нынешней столице республики сторонники светского образа жизни и горожане, ратующие за исламский образ жизни, все больше отгораживаются друг от друга. Неудивительно, что многочисленные бары ввели жесткий фейс-контроль: хозяева и посетители боятся, помимо сельских парней, и радикально настроенных сторонников исламских ценностей. Некая культурная сегрегация в городе явно начинает складываться — по одну сторону бары, выставки, елка на Новый год и европейская одежда, по другую — арабизированная исламская мода, отрицание светских и неисламских праздников.

В заключение стоит отметить, что, на мой взгляд, сейчас исламская индустрия и дискуссии вокруг религиозного в пространстве дагестанского города — не столько признак исламской радикализации, сколько поиск обществом новых культурных ориентиров и формирование новых образцов поведения.

Библиография

Абдулагатов З.М. Ислам в массовом сознании дагестанцев. М., 2008.

Малашенко А. Ислам для России. М., 2007.

Тахнаева П.И. Хиджаб, чухта и туфт // Газават. Сайт Хаджи-Мурада Доного. 17.09.2011. Режим доступа - <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=21&art=523>.

Ярлыкапов А.А. Ислам и конфликт на Кавказе // Большой Кавказ двадцать лет спустя. Ресурсы и стратегии политики идентичности. М., 2014.